

УДК 811.161.1'276.6: 33

Нина Николаевна Приступа*канд. филол. наук, доц. каф. межкультурной профессиональной коммуникации
Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники***Nina Prystupa***PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Cross-Cultural Professional Communication
at the Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics**e-mail: pristupa@bsuir.by***СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ КРЕДИТНОЙ ЛЕКСИКИ
В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Рассматриваются особенности структуры языковой формы специальных номинаций кредитной сферы деятельности в старорусском языке, отражающие поиск языковой формы для воплощения специального понятия. Выявлены некоторые характерные черты структурного развития лексики кредитной сферы: функционирование аналитических номинаций как промежуточного структурного типа формирующихся терминов, их последующая трансформация в субстантиваты или универбы. Сделан вывод о том, что специальные лексемы еще сохраняют приметы конкретной бытовой или общеупотребительной лексики, однако можно говорить о начинающемся становлении словообразовательных моделей, типичных для обозначения отвлеченных понятий – будущих терминов.

Ключевые слова: кредитная лексика, старорусский период, структурное развитие, однословные номинации, составные номинации, словообразовательные модели, формальная вариантность.

**Structural Peculiarities of the Language Form of the Russian Credit Term System
in the XIV – mid XVII Centuries**

The structural features of the linguistic form of special nominations of the Russian credit term system in the XIV – mid XVII centuries are considered. The author reveals the characteristic features of the structural development of the lexicon of the credit sphere: the functioning of analytical nominations as an intermediate structural type of emerging terms, their subsequent nominalization or univerbation and the transition to one-word nominations. It is concluded that special lexemes still retain the signs of a specific common vocabulary, however, we can talk about the beginning formation of word-formation models typical for denoting abstract concepts - future terms.

Key words: credit lexicon, structural development, oneword nominations, compound nominations, word-formation models, form variants.

Введение

Формирование специальной лексики кредитной сферы деятельности в позднее средневековье соотносится с развитием кредита в Московском государстве. Кредитная сфера в это время сохраняет средневековые черты, в частности, одним из основных средств обеспечения ссуды оставалась личная свобода должника. Вместе с тем некоторые долговые обычаи получают более активное развитие, что ведет к расширению состава и развитию семантики и формы соответствующих специальных номинаций. Так, в XV–XVII вв. особенно интенсивно развивается институт кабального холопства. В «Соборном уложении...» 1649 г. идет речь об обычной долговой кабале (с указанием суммы и срока уплаты долга); ростовой кабале (с обязательством платить возрастающие проценты на взятое в долг); дове-

рительной кабале (с изложением обязательств должника перед поручителем); служилой кабале (с обязательством служить заимодавцу вместо уплаты процентов) и т. д. [1, гл. XX].

Рассматриваемый период в эволюции кредита и формировании специальной кредитной лексики в истории русского языка коррелирует с периодом старорусского языка (XIV – сер. XVII в.). Специальные лексемы, функционирующие в сфере долговых отношений в указанный период, обнаруживают некоторые особенности структуры, свидетельствующие о развитии формальной стороны будущих терминов в связи с эволюцией исследуемой кредитной сферы деятельности, специальных понятий. На структуре специальных номинаций сказывается дифференциация понятий кредитной сферы или их обобщение, смысловое

отграничение специальных обозначений от общеупотребительных слов, уточнение их семантики.

Рассмотрим основные структурные особенности специальных лексем старорусского периода, отражающие поиск языковой формы для воплощения специального понятия кредитной сферы деятельности (слово, словосочетание, субстантивированная номинация). Эти характеристики показательны для анализа процессов развития знаний и способов их языкового выражения. Материалом для исследования послужили номинативные единицы одинаковой грамматической принадлежности – имена существительные, в том числе субстантивированные, или субстантивно-атрибутивные словосочетания, которые извлекались путем сплошной выборки из Словаря русского языка XI–XVII вв.

Однословные номинации в старорусском языке

В старорусском языке прежде всего обращает на себя внимание изменение соотношения между однословными и составными номинациями. Из древнерусского языка были восприняты главным образом однословные номинации – имена существительные, как правило, однозначно соотносимые с понятиями кредитной сферы: *долгъ*, *должникъ* [2: 4, с. 302], *заимование*, *заимъ* [2: 5, с. 201–202], *закладъ* [2: 5, с. 210], *лихва* [2: 8, с. 245–258], *порука* [2: 17, с. 138–139], *накладъ* [2: 10, с. 115], *рѣзь*, *рѣзоимецъ* [2: 22, с. 138] и др. И только номинация *сотная лихва* представляла собой субстантивно-атрибутивное обозначение [2: 26, с. 242–243].

В языке великорусской народности новые однословные номинации понятий кредитной сферы возникали под влиянием факторов как внеязыкового, так и внутриязыкового характера. Эмпирический материал подтверждает, что с расширением сферы долговых отношений субъектами кредита могли становиться и женщины. В результате появились парные номинации, обозначающие субъектов кредита разного пола: *заимщикъ* – *заимщица* [2: 5, с. 203], *закладникъ* – *закладница* [2: 5, с. 211], *платежчикъ* – *платежчица* [2: 15, с. 76], *лихоимникъ* – *лихоимница* [2: 8, с. 248]. Развитие института кабального холопства стало при-

чиной появления номинации *кабальщикъ* [2: 7, с. 8].

С другой стороны, создание новых однословных обозначений могло быть связано с эволюцией языковых словообразовательных ресурсов. Так, с появлением суффиксов *-щик/-чик* возникают новые обозначения должника: *заимщикъ/заемщикъ* [2: 5, с. 191, 203]. Примечательно, что эти структуры с новым суффиксом имеют только уточненное значение ‘взявший в долг’.

Однако особый интерес, на наш взгляд, представляют структуры тех номинаций, в которых выступают признаки специальной лексики, ставшие впоследствии типичными признаками лексики научного стиля. Так, если оставить в стороне семантические дериваты с неустойчивым кредитным значением, то в первую очередь к числу новообразований следует отнести имена существительные мужского или среднего рода, образованные в ходе безаффиксального или аффиксального способа: *заживъ* [2: 5, с. 194], *насопъ* [2: 14, с. 2141–142], *выкупъ* [2: 3, с. 213–214], *взыскъ* [2: 2, с. 163–164], *платежъ* [2: 15, с. 76]; *заживание* [2: 5, с. 193], *заложение* [2: 5, с. 234], *закупие* [2: 5, с. 228]. Исключением является слово *ссуда*, хотя в аналогичном значении отмечен и один пример со словом *ссудие* [2: 27, с. 169]. На наш взгляд, здесь можно говорить о начинающемся становлении словообразовательных моделей, типичных для вновь возникающих терминоидов и прототерминов. Это дериваты со значением опредмеченного действия – либо нульсуффиксальные, либо с суффиксом, характерным для абстрактных существительных. Так происходило постепенное преобразование бытовых понятий в специальные.

Отдельного рассмотрения в старорусском языке требуют однословные суффиксальные дериваты от устойчивых прототерминов *должное* [2: 4, с. 303], *память* [2: 14, с. 141–142], *кабала* [2: 7, с. 7; 3, с. 138] с суффиксами, содержащими коннотативные смыслы: *долженцо* [2: 4, с. 302], *памятишко*, *памятца*, *кабаленко*, *кабалишка* [2: 7, с. 7]. Анализ словарных иллюстраций, относящихся к первой половине XVII в., свидетельствует о том, что уменьшительно-уничижительные формы последовательно используются в челобитных:

«(М(и)л(о)с(е)рдьи г(о)с(у)д(а)рь... пожалуй меня холопа своево, вели, г(о)с(у)д(а)рь, за то дворенко из казны деньгъ дат(ь), чем бы было... долженцо оплатит(ь)» [2: 4, с. 302]; «Прикажи, государь, по кабашишкамъ моимъ... взять деньги и отдать людишкамъ моимъ» [2: 7, с. 7]; «У меня кабаленко взято было в твою государеву казну въ моемъ рухледышкѣ» [2: 7, с. 7] и др.

Такое словоупотребление не имеет отношения к образованию специальной лексики: оно отражает речевые обычаи эпохи, специфику «приказного» стиля, когда говорящий или пишущий, выступая просителем или челобитчиком, всячески преднамеренно подчеркивал свою незначительность [4, с. 118], используя в уничижительной форме не только специальную лексику, но и другие номинации (сравним: *дворенко, людишки, рухледышко*), в том числе и имена собственные. Как отмечают А. В. Суперанская и А. В. Сулова, даже именитые люди в своих челобитных царю подписывались Ивашка, Федка и т. д. Этикет возвышения того, к кому обращались, требовал самопонижения, чтобы сделать это возвышение еще большим [4, с. 118].

Вместе с тем такое функционирование специальных лексем указывает как на незавершенность процесса терминологизации этих лексем в рассматриваемый период, так и на их двуплановость, ибо они «называют такие понятия, которые одновременно могут быть и бытовыми, и научными, то есть выступают в качестве носителей двух типов информации – общеупотребительного и терминологического значений» [5, с. 69].

Составные номинации

В кругу новообразований специальной лексики рассматриваемого периода отмечается наличие большого количества аналитических номинаций. Продуктивность обозначений аналитической структуры – выразительный аргумент, прежде всего, в пользу смыслового совершенствования существующей и появляющейся кредитной лексики, в свою очередь отражающей состояние исследуемой сферы деятельности.

Среди выявленных бивербов можно выделить три вида номинаций, по-разному представляющих специальную лексику кре-

дитной сферы в зависимости от семантических свойств.

К первому из них отнесем такие обозначения, в которых атрибутивная часть, выражающая, согласно Е. С. Кубряковой, ономаσιологический признак номинации [6, с. 301], служит не называнию понятия из специальной сферы деятельности, а в первую очередь суждению о нем, его характеристике. Сравним: *ссуда – денежная ссуда, хлебная ссуда, животинная ссуда; кабала – закладная кабала, выкупная кабала, поручная кабала*.

Чаще, однако, атрибутивный компонент в составе специальной номинации не ограничивается уточнением кредитного понятия, а способствует закреплению номинации в специальной сфере. Особенно это касается тех номинаций, в которых опорный компонент возник как один из лексико-семантических вариантов полисеманта в ходе семантической деривации. В связи с этим можно выделить второй вид атрибутивно-субстантивных аналитических номинаций, отмеченных большей семантической связанностью. В них атрибутивная часть формирует необходимый микроконтекст, в котором субстантивная часть воспринимается как специальная номинация только кредитной сферы. Не случайно, например, в рассматриваемый период, как показывает анализ эмпирического материала, древнерусская лексема *грамота*, известная в значении ‘документ о кредитной сделке’, изолированно не фиксируется вообще, а используется исключительно с уточняющей атрибутивной частью: *выкупная, закладная, полгътная, поручная, правержная, переводная (грамота)* и др. [2: 4, с. 120]. То же относится к семантическим дериватам *запись, память*, которые хотя и могли функционировать вне словосочетаний со специальным значением в старорусском языке, поскольку в нем возникли, но, как правило, тоже использовались с определением: *поручная запись* [2: 5, с. 266], *заемная память* [2: 5, с. 191] и др.

Также можно отграничить отдельные субстантивно-атрибутивные обозначения, представляющие понятия из сферы долговых отношений синкретично, поскольку их опорный компонент не содержит сем с кредитным значением вообще или эти семы имеют неустойчивый, возникающий в са-

мом контексте характер. Это номинации, которые становились частью специального словаря только благодаря уточняющему определению: *закладные люди, заемное дело, серебро ростовое, ссудное серебро, серебро переводное* и др.

Поскольку в рассматриваемых аналитических номинациях смысловая связь с конкретными предметами и представлениями из сферы кредитной деятельности не только сохраняется, но еще и проецируется на структурный план специальных лексем, то подобные аналитические номинации можно считать промежуточным, переходным типом структуры формирующихся терминов.

Универбация и субстантивация

Весомым аргументом в пользу высказанного предположения выступает последующая трансформация бивербов в субстантиваты или универбы и их переход в круг однословных номинаций. Такая трансформация, как свидетельствуют лексикографические данные, была возможна для аналитических номинаций двух последних из названных выше видов. В их атрибутивной части мог концентрироваться общий смысл будущего термина, поскольку субстантивный компонент недостаточно отчетливо воплощал представление из сферы кредитной деятельности и в результате оказывался избыточным. Именно поэтому уже в старорусском языке параллельно с номинациями-бивербами функционируют образованные на их основе однословные образования: *закладная грамота (доска, кабала, память) → закладная* [2: 5, с. 212, с. 211]; *поручная запись (грамота, кабала) → поручная* [2: 5, с. 266–267] → *поручная* [2: 17, с. 141–142]. В рассматриваемый период субстантиваты, как правило, отмечаются на месте бивербов с опорными компонентами *доска, грамота, запись, память, кабала*. Кроме названных выше, это названия документов: *полътная, правежная, просрочная, ссудная*.

Иной характер имеют субстантивированные прилагательные среднего рода, называющие ценность, имущество, используемое в сфере долговых отношений. Это лексемы *должное* ‘то, что дано или взято в долг’, *кабальное* ‘ссуда, взятая по кабале’ [2: 7, с. 8], *поручное* ‘имущество, залог’ [2: 17, с. 142], *рѣзоимное* ‘то, что приобре-

тено ростовщицеством’ [2: 22, с. 80], *переводное* ‘долг, недоимка за прошлый год’ [2: 14, с. 221]. Лексикографические источники последовательно представляют эти номинации вне аналитических конструкций, что не позволяет в структурном плане считать их аналогичными обозначениям типа *закладная* или *кабальный*. Е. А. Земская квалифицирует такие субстантиваты как номинации адъективного характера, «обозначающие обобщенную субстанцию – носитель признака, названного производящим прилагательным» [7, с. 293]. Обращаясь к терминологии Е. С. Кубряковой и А. А. Уфимцевой, можно сказать, что ономаσιологический базис здесь объединен с ономаσιологическим признаком, включен в него, хотя и не известен, а только мыслится [8, с. 60–61].

Наличие таких моделей можно считать показателем начинающегося становления формальной специфики терминов, так как в подобных номинациях происходит отвлечение от конкретного и случайного, что характерно для понятийно-логического языка.

Отдельного рассмотрения требуют универбы *платежница ← платежная запись* и *рядница ← рядная запись*. В смысловом отношении они идентичны бивербам, от которых образованы, но формально представляют собой однословные номинации. В структурном плане эти номинации изоморфны атрибутивно-субстантивному номинациям, поскольку образовались в результате семантической компрессии значения атрибутивного и субстантивного компонентов. Здесь также, на наш взгляд, имеет место словообразовательная компрессия биверба, осложненная суффиксацией атрибутивной основы: на базе прилагательного образуется имя существительное с помощью суффикса *-иц-*, а определяемое имя во все опускается, как в случае с номинацией *сотьница ← сътьная лихва*.

Графико-фонетические особенности кредитной лексики

Формальные варианты кредитных номинаций старорусского языка обуславливаются, как и в языке старшей поры, фонетическими процессами, проходившими в XIV–XVII вв. В это время на письме все еще непоследовательно выступали резуль-

таты падзення редуцыраваных: *насьпъ* – *насопъ*. В разных графіко-фонетычных варыянтах працягваюць фіксіравацца дэрываты ад слова *дългъ*, напрыклад: *дължьникъ* (ісконнае напісанне), *дължьникъ* (другое восточнославянское полногласие), *должник* – канечны варыянт фонетычнага развіцця, псколькі ўтрата редуцыраваных у суседстве са слогавымі плавнымі пратэкала на рубяже XIV в. і не толькі імела разныя рэзультаты ў старорускім, старобеларускім і староўкраінскім мовах, але і аднаражывала ў мове велікорускай народнасці дыялектныя асабнасці ў віде другогa полногласія. Варыянтнасць парождалася і ўтратай редуцыраваных у суседстве с йотом: *заимъ*, *заимьникъ*, *заимщикъ* – да ўтраты редуцыраваных; *заемъ*, *заемникъ*, *заемщикъ* – пасле вокалізацыі сільных редуцыраваных. Падчэркнем, што позднешыя варыянты саотвештвуют толькі ўточненнаму значенню слова *заемъ* і яго прадводных, так как ў кождом случаем речь ідет о взимании долга.

Іногда фармальныя варыянты спецыяльных номінацый характарызуюцца пранікновеннем у деловую пісьменнасць XVI–XVII вв. чэрт маскоўскага прасторечія, узнікшых ў ходзе позднешых фонетычных працэсаў. В частнасці, это аканье, под котрым ў шыроком смысле слова понимается і еканье [9, с. 257]. Графічнае адражэнне аканья могло стаць прычынай п'явленья равнозначных варыянтаў *память/паметь* [2: 14, с. 141–142] *серебряникъ/серебреникъ* [2: 24, с. 81]. Асабняком стоаць графіко-фонетычныя варыянты *платежщикъ/платещикъ/платежчикъ*, котрыя ілюстравалі морфалогічныя змяненні на морфемном шве, прадходзішыя ў працэсе становлення суфікса *-щик* ў структуры лчных номінацый, абразаваных ад аснов на сагласны, не сацешаюшыся с начальным *-щ-* суфікса [10, с. 29]. Аналагічныя формы жанскага рода імеют прамежуточны варыянт, зафіксіравашы ассімільятыўныя змяненні [жч] → [шч]: *платежщица/платешчица/платешица/платежщица* [2: 15, с. 76].

Заклученне

Таким образом, в старорусский период существенные изменения обнаруживаются в структуре кредитных номинаций.

Во-первых, в ней находит отражение общее развитие словообразовательных ресурсов старорусского языка: появляются номинации с новыми суффиксами.

Во-вторых, специальная лексика названного периода характеризуется наличием большого количества аналитических номинаций. Эти структуры служат уточнению специальных понятий или закреплению номинаций в сфере специальной деятельности. На наш взгляд, аналитические номинации следует считать промежуточным, переходным типом структуры формирующихся терминов. Происходит уточнение смысла ряда специальных лексем, и аналитические номинации постепенно заменяются субстантивами и универбами, переходя в круг однословных номинаций.

В-третьих, можно говорить о начинающемся становлении словообразовательных моделей, типичных для обозначения отвлеченных понятий – будущих терминов. Это дериваты со значением опредмеченного действия, а также номинации адъективного характера. Наличие таких моделей можно считать показателем становления формальной специфики терминов, так как в подобных номинациях происходит отвлечение от конкретного и случайного, что характерно для понятийно-логического языка. Однако специальные лексемы еще сохраняют приметы конкретной бытовой или общепотребительной лексики (появление парных к мужским номинаций женского рода; функционирование эмоционально и экспрессивно окрашенных специальных номинаций).

Становление графіко-фонетычнай формы спецыяльнай лексики звязана с фонетычнымі працэсамі, прадходзішымі ў XIV–XVII вв. і саправаджаецца наяўнасцю фармальных варыянтаў, вызваных сахраненнем архаічных форм, ілі адражаюшых эвалюцыю фонетычнага і слоўаобразавальнага ўроўня, ілі абумоўленых взаімадзействам дыялектаў.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихомиров, М. Н. Соборное уложение 1649 года : учеб. пособие / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 444 с.